

Глава II

Обращение от греха к добродетели

В нашем исследовании изображается, главным образом, христианский нравственный идеал, каким его видел святитель Тихон, поэтому процесса обращения от греха к добродетели мы коснемся по возможности кратко, следуя основным моментам, которые указывает сам святитель. Так, обращение происходит посредством благодати Божией, действующей через совесть и слово Божие, приводящей к покаянию и изменению как состояния сердца, так и внешней жизни человека.

1. Действие благодати Божией

Спасение есть дело богочеловеческое, и «Бог не спасает человека без человека». Но начало обращения, призыв к покаянию принадлежит всецело благодати Божией, которая, по слову святителя, «как тихий дождь нисходит, орошая сердце к плодоношению». Напротив, «всякое тщание наше без благодати и помощи Божией не сильно» (27, 36). Зная глубину падения человека и степень «растления естества нашего», святитель так пишет о словах Спасителя *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5, понимая их как указание, в частности, на необходимость в деле спасения укрепления благодатью Божией): падший человек «может удобно жить во плоти, как лодка вниз реки плыть, но против плоти стоять и духов-

но жить не может сам собой, как судно против быстринны речной плыть само собой не может: надобно то или гребцам, или ветру с парусом подвигать; так и человеку в духовном житии и деле спасения нужно есть вышестественной и всемогущей силе помогать. Надобно бо и самого себя побеждать. Но как сие может быть без присутствующей силы Божией, которая все может?» Тем более, что препятствует совершению дела спасения не только поврежденное грехом естество человеческое, но и мир с его соблазнами, и дурные привычки, и непрестанно ищущий погибели человеческой души диавол. Почему «и начать доброе христианское житие, и жить по-христиански, и кончать так без всемогущей помощи Божией не может» грешный человек. «Искусивыйся все сие знает» (27, 36).

Но что же есть благодать Божия, где ее источник, каковы средства ее стяжания и действие на человека? Определениям столь высокого понятия святитель предпочитает примеры. «Благодать Божия, — пишет он, — есть жизнь душ наших: якоже бо тело наше душой, так душа наша Божией благодатью живет и ее на всякую минуту требует. Душа дотоле живет, доколе Бог благодатью Своей в ней пребывает» (27, 34). Благодать есть свет души. «Когда свет сияет, человек все добре видит: видит путь, ров, вредное, и бережется того. Так, когда Божия благодать просвещает душу, душа все добре познает и видит: видит чудные Божии дела, промысл и судьбы Его, распознает добро от зла, добродетель от порока, и пользу душевную видит и ищет ее, видит вред и уклоняется от него». Наконец, благодать есть «сокровище небесное, духовное, в сердцах христиан пребывающее» (27, 35).

Спасительный источник, «от которого истекает нам Божественная благодать, — говорит святитель, — есть любовь Божия к нам, недостойным (Ин. 3, 16), и вольное Христа, Сына Божия к роду нашему снисхождение и умиление» (27, 34).

Милосердный Бог всем готов подать Свою благодать и смотрит только на веру человека. Главным условием стяжания благодати святитель называет смирение. «Все в тебе благодать Божия будет исправлять, — обращается он к читателю, — когда будешь смирен. *Всяк возносяйся, смирится, смиряяй же себе, вознесет* (Лк. 18, 14), *зане Бог гордым противится, смиренным же дает благодать* (1 Пет. 5, 5). Смирненное сердце, и от любви мира и прихотей плотских испраздненное, удобно есть к восприятию Божией благодати, якоже праздный сосуд удобен есть прияти в себя воду или иное вещество». Использует святитель и другое подобие: «Вода с гор на места низшие стекает; так благодать Божия от Небесного Отца на смиренные сердца изливается»³⁸. Помимо смирения, святитель указывает и иные средства к стяжанию благодати. Вселяется она в сердце верой, по евангельскому обетованию, умножается по мере богопознания, укрепляется действием церковных таинств, возвращается потерявшим ее через покаяние (27, 40–41).

Многообразны действия благодати Божией в человеке. Она приводит грешника к покаянию, просвещая его сердце, «зажигает в нем огонь любви Божией», и тогда человеку «с Богом быть и во аде рай», «научает радоваться о Бозе Спасе своем, соделовая в сердце радость истинную, духовную, небесную, и покой, и мир совести, что все есть предвкушение вечной жизни, и аки крупичицы от небесной трапезы, на сердце человеческого падающие» (27, 783).

---

³⁸ Нисходя в смиренное сердце, благодать, в свою очередь, сама производит смирение, поскольку «не имеет человек истинного смирения от себя: Божия благодать показывает ему его нищету, убожество, окаянство; и так, познавая себя, человек смиряется и, не надеясь на себя ни в чем, единому всемогуществу, премудрости, благости и милосердию Божию предается» (27, 947). Тот «итерационный процесс», который был описан выше, имеет место и в данном случае: смирение привлекает благодать Божию, которая, в свою очередь, помогает достичь большего смирения.

В отношении ближних благодать Божия делает человека «любительным, милосердным, сострадательным, кротким, так что таковой и над врагами своими умиловливается и соболезнует им, и так бывает терпелив к ним. Иногда Божия благодать так запалает любовью сердце человеческое, что хотел бы всех без изъятия любви своей объятиями обнять и всех спасенными видеть. Таковой человек обидеть никого не хочет ни делом, ни словом, и как себе, так и всякому всякого добра желает, и хочет всем, как и себе, спастись, о чем и молится»³⁹ (27, 38).

³⁹ Многочисленны примеры великодушия и терпения смиренного святителя в отношении его недоброжелателей. И. Ефимов пишет, что святитель «старался зло благим побеждать», и рассказывает следующее. Случилось, что «начальник монастыря, выезжая в гости в благородные дома и там подхмелевши, сказывал о его святительской особе: «Он-де в монастыре хуже монаха живет у меня». Доходили иногда такие слова до преосвященного, а он бывало только и скажет мне: «Возьми сахару голову, отнеси начальнику, или виноградного вина бочонок, или иного чего-нибудь, у него, может быть, и нет сего». Досаждавшие ему монахи временем делались больными; он раза по два и по три всякий день посещал их, утешал, ободрял своими благоразумными и душеполезными разговорами, также пищей и питием снабдевал. Даже и от прислуги монастырской случалось немало терпеть ему. Но он как бы не слышал ничего, но после скажет: «Богу так угодно, что и служители смеются надо мной, да я же и достоин сего за грехи мои, но еще и мало сего». Он и служителям сим много делал благотворения: помогал им хлебом, деньгами и прочим; вот чем отмщал он оскорбления и обиды свои, по апостольскому слову: «аще алчет враг твой, ухлеби его, аще ли жаждет, напой его; он точно исполнял сие» (6, «Записки», 16–17). Но еще более, чем в этих случаях, именно действие благодати Божией в сердце святителя, а не только усилие воли к прощению, видно в следующем описании (тем же келейником) встречи святителем группы раскольников из донских казаков, которых он, сначала наставив сам в истинной вере, потом послал к митрополиту Гавриилу (Петрову) «для лучшего их удостоверения». Посланные, возвратясь «оттуда с совершенной приверженностью к Святой Церкви, изъявили ему свою благодарность. И как скоро повидел он их у себя, то, взяв начальника той раскольнической секты в свои святительские объятия, со слезами и радостным духом

Благодать Божия поддерживает огонь веры. «Как светильник требует елея, так вера, душ наших светильник, всегда требует слышания слова Божия и благодати, дабы не угасла» (27, 158). Благодать подает и истинную молитву. «Не имеет человек от себя истинной и сердечной молитвы: Божия благодать научает его, о чем молиться, и возбуждает в нем истинную и сердечную молитву» (27, 542). Научает благодать Божия человека и страху Божию, «представляя ему пред сердечные очи Божие величество, всемогущество, вездесущие и всеведение, и так увещевает его опасно и со страхом жить, в словах, делах и мыслях всякого греха беречься, яко тем Бог прогневляется и человек согрешающий милости Божией лишается. Откуда такая богобоящаяся душа везде и всегда, тайно и явно, перед людьми и без людей опасно (опасаясь греха. — *Примеч. авт.*) поступает и бережется всякого зла» (27, 1001).

Призывая грешника к покаянию, благодать Божия действует «как через внешнее слово Божие, так и внутрь, в совести вопия: *востани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос*» (Еф. 5, 14). Этих двух предметов богословия святителя, посредствующих благодати в деле спасения человека, мы кратко и коснемся.

возгласил: «Наш еси, Исаакий! Да возрадуется душа о Господе: яко обретохом овцу погибшую, и яко сей мертв бе и оживе; изгibl было и обретеса. Слава Богу о всем, слава Богу за Его благость к нам и человеколюбие!» Тут он им паки преподал наставление и отпустил с Божиим благословением, дав им в руководство из сочинений своих несколько рукописных тетрадей. Столь сильно в душе его действовала любовь Божеская, что он говаривал так: «Не точию раскольнических сект придерживающимся, как простым и заблудшим от Христовой ограды овечкам, но и самим туркам и прочим неверующим во Христа, Сына Божия, Спасителя нашего, и самим хульникам Божия имени желал бы я, чтобы спасены они были и в вечном блаженстве все бы находились» (6, «Записки», 22).

2. Слово Божие

Отдельным и весьма интересным предметом исследования может стать экзегетика святителя Тихона. В работе мы остановимся на отношении святителя к слову Божию только как к средству обращения человека ко Христу и утверждения его в добродетели⁴⁰.

Священное Писание святитель Тихон называет даром Божиим, посланием Царя Небесного к людям, которое Бог «через верных своих рабов и Духом Своим Святым умудренных благоволил послать и волю Свою святую, и милостивое Свое благоволение открыть на такой конец, дабы мы держались его и спасение вечное получили» (3, 1–2; 27, 893). Благодать подает действию слова Божия на сердце человека «дивную некую и божественную силу», которой обращает его на путь спасения и устремляет к Богу. Это та же сила, «что в малом времени, как видим в проповеди апостольской, не через многих, но через двенадцать человек, не мудрых, но простых и бескнижных во всю вселенную пронеслась» (3, 2). И святитель часто сравнивает Священное Писание со светильником, пищей, врачевством для души человека (27, 899–900).

Слово Божие обнаруживает грех и призывает грешника к покаянию. *Грех есть беззаконие*, и творится оно как при сознательном предпочтении своей падшей воли святой воле Божией, так часто и по неведению, в чем последняя состоит. Чтобы избежать этого, христианину должно поучаться в Священном Писании, «что есть воля Божия,

---

⁴⁰ Последнее следовало бы сделать в главе, где будут рассмотрены предлагаемые для этого святителем средства (важнейшим из которых, наряду с молитвой, постом, действием церковных таинств, является чтение и слушание Священного Писания). Но полагая такое разделение искусственным, совместим оба выделенных аспекта в этом разделе. Это замечание касается и других предметов настоящей главы.

и тако бы узнавши, самим делом исполнять ее». От незнания же слова Божия «всякие бывают заблуждения и пороки»: «бывает, что люди за грех почитают то, в чем греха нет; напротив того, за грех не вменяют того, в чем великий грех есть» (3, 10; 27, 896).

Изучение Священного Писания позволяет падшему человеку не только осознать свое положение, но и бороться со страстями, помогает не только познать волю Божию, но и следовать ей. Для этого слово Божие должно стать правилом жизни христианина, а земная жизнь Спасителя — образцом для Его последователей. Священное Писание, по слову святителя, «велит христианам подражателями Божиими быть, представляет нам к подражанию Его благость, милосердие, щедроты, правду, истину, святость, долготерпение и прочая, да на сии Его Божественные свойства взирая, и сами учимся делать то, и все, тому противное, яко порок, покаянием и сокрушением сердца очищать» (4, 80; 27, 897, 911).

Слово Божие действует на душу человека двояко. Как меч духовный (Еф. 6, 17), оно есть оружие против врагов спасения, отгоняющее от души «мятеж мирских похотей». С другой стороны, обновляя душу, слово Божие оживляет и возвращает веру, возбуждает усердного к его слушанию христианина к духовному деланию, укрепляет в благочестии, надежде на Бога и любви к Нему, исполняет душу благоговения и страха Божия, утешает в скорбях, подвигает к их мужественному перенесению, молитве о помощи и вразумлении свыше, терпению, покаянию, — одним словом, научает всему, что полезно христианской душе, и приводит к вечной жизни. Слово Божие, войдя в сердце, делает его обиталищем мудрости (27, 910–912).

Священное Писание не только способствует утверждению христианина на пути добродетели. Оно и само, как духовное семя, требует подвига, труда по своему усвоению; будучи равно предлагаемо всем, слово Божие приносит

плод по мере усердия к его принятию и степени духовного дарования. Чтобы слышание или чтение слова Божия приносило пользу, необходимо в молитве просить Бога о просвещении духовных очей, оставить суету мира и очищать сердце от всего, что мешает спасительному восприятию слова Божия. Необходимо читать или слушать Священное Писание со страхом Божиим, благоговением, усердием и верой, слышанное укоренять в сердце, читая не только ради научения, но и для познания воли Божией и спасения души, обращая читаемое к славе Божией и пользе ближнего. Над прочитанным святитель советует прилежно размышлять. «Оставь испытывать, что тамо или инде делается, испытай из Божиего слова, что в душе твоей делается, и к какому концу идешь ты, к погибели ли, или ко спасению, на пути ли праведных, или нечестивых находишься». Особо требует святитель, чтобы, живя по заповедям Божиим, не смотреть на тех, кто живет иначе. «Ибо день от дня вера, а с верой любовь умаляется в людях, и умножаются соблазны, которые колеблют сердце наше и зажегшуюся веру хотят угасить» (3, 8; 27, 917, 922).

Когда же чтению или слушанию слова Божия не последует исполнение или читается оно «не на добрый конец», тогда, по слову святителя, «якоже свет видимый больным очам вредит, так свет слова Божия вредит оку лукавому»: такой человек не только остается без плода, не получая пользы, но и осуждается. Пренебрежение Священным Писанием есть признак неверия; от слушающего и не творящего отнимается благодать Божия, и человек приходит в еще худшее состояние⁴¹, а на Страшном Суде будет об-

⁴¹ «Бывает, — пишет святитель, — что многие искуснейшие в письмени Святого Писания далеко злейшие бывают, паче некнижных. Бог бо у таковых отнимает благодать за презрение Свое, и так без благодати Божией от греха в грех падают». Это случается, в частности, с

личаться тем же словом Божиим, которое в земной жизни презрел (27, 922–927).

Делает святитель и некоторые частные замечания. Так, он пишет, что слово Божие научает каждого в его должности: «В начальниках насаждает правосудие, в подчиненных верность; богатых поощряет к подаению милостыни, убогих — к терпению и великодушию; малых в вере укрепляет, старых в надежде веселит и во всех любовь к Богу и ближнему насаждает, растит, умножает» (2, 98). И второе: «Семя слова Божия удобнее прозябает в юном сердце, суетами еще мирскими не наполненном». Особая же ответственность за чтение и проповедь слова Божия лежит на пастырях, как взявших *ключ разумения* (Лк. 11, 52)⁴² (27, 890, 928–929).

По воспоминаниям келейников, святитель «был великий любитель Святого Писания. В положенные часы он всегда прочитывал сам что-либо из Ветхого Завета, а паче из пророческих книг, а Новый Завет ночным временем читывал или сам, или через келейника. Даже и во время употребления им обеденной пищи всегда келейник читал ему что-либо из Ветхого Завета, а паче Исаию пророка. Также в самую полночь выходил в переднюю келлию и пел тихо и умирительно псалмы святыя. Замечательно, что когда он был в мрачных мыслях, то пел псалом: *благо мне,*

теми, кто изучает Священное Писание из тщеславия или только ради познания, а не для пользы души.

⁴² Желая сделать Священное Писание более доступным, святитель, как вспоминает И. Ефимов, неоднократно говорил, что «ежели бы не относящийся до черни соблазн, а паче до многочисленных сект раскольнических, то можно б было мне взять на себя труд перевести Новый Завет на нынешний штиль, дабы простолюдинам было внятно, и чтобы для полезного чтения многих выпечатано было на одной стороне, как ныне есть, славянски, а на другой внятным переводом. Мысль сию намеревался он сообщить преосвященному новгородскому и прочим, но, за ослаблением здоровья своего, оставил сие полезнейшее свое намерение» (6, «Записки», 21).

яко смирил мя еси, и проч. Когда же в ведренных мыслях, пел псалом: *хвалите Господа с небес*, и прочие утешительные псалмы, и всегда с умиленными слезами и сердечным воздыханием»⁴³ (6, «Записки», 8, 21).

3. Совесть

«Два свидетеля и обличителя душе человеческой положил Бог, — говорит святитель Тихон, — вне — закон Свой, внутрь души — совесть» (5, 361). Но если слова первого доносятся как бы извне, то совесть есть «свидетель внутренний». Она дана человеку, «дабы той, аки правилом, управлялся и, что творить и от чего уклоняться, наставлялся» (6, 197). Совесть, наряду со словом Божиим, является средством обращения грешника к покаянию. Действенность ее велениям, как и словам Священного Писания, придает благодать Божия. «Совесть не иное что есть, как закон естественный, или природный, почему с законом Божиим написанным совесть сходна. Чего бо научает закон Божий, того научает и совесть. И что вне, в слове Своем Бог запрещает, то внутрь человеку совесть его претит. Сего ради всяк, кто против совести грешит, грешит и против закона Божия и Самого Законодавца — Бога» (4, 205; 6, 197–198).

Обличая грехи, совесть, как и слово Божие, отвращает от зла. «Бывает в мире сем, — пишет святитель, — что че-

⁴³ В. Чеботарев сообщает, что святитель «от природы острую память имел, так что все Священное Писание, Ветхий и Новый Завет, у него в памяти были, и, когда станет говорить о какой-либо материи, всегда приводил в доказательство тексты из Священного Писания, в какой книге и в какой главе сказывал... Никуда и никогда не ходил и не ездил без Псалтири, но всегда при себе имел оную за пазухой, ибо она была маленькая, а наконец он ее всю и наизусть читал» (6, «Записки», 8–9).

ловек человека идущего возвращает назад и кричит вслед его: «Слышиши ли? Воротись! Не туда пошел». Так Бог в совести человеку глаголет и вопиет ему, когда хочет зло соделать: «Возвратись, человек! Не туда идешь ты. Уклонись от зла» (Пс. 33, 15). И если человек внимлет этому гласу и следует ему, то в чистоте совести обретает «веру и радость», истинный мир и покой, непорочную христианскую жизнь, а пребывши в подвиге до конца — Царство Небесное (4, 102; 6, 357; 27, 956, 959).

В противном случае совесть становится лютым мучителем, обличающим грешника за нарушение закона Божия. «Яко же бо нет лучшего покоя, как от чистой совести, — говорит святитель, — так нет большего беспокойства и мучения, как от злой совести» (6, 198).

Уязвляют совесть грехи не только явные, но и тайные: греховные чувства и помыслы, нечистые пожелания. «Сего ради, — учит святитель, — христиане не токмо от внешних, но и от внутренних беречься должны грехов» (4, 207).

Если чистая совесть замечает и мелкие грехи, то у не хранящих свою совесть она постепенно становится все менее чувствительной и способной к различению добра и зла. «Видишь, что зеркало запыленное или закопченное ничего не показывает, хотя в него и смотришь, — пишет святитель. — Но когда хочешь в нем усмотреть лицо свое, должно отереть его. Тако совесть человеческая имеется; когда многими пороками греховными и беззаконным житием замарана будет, человек в ней не усматривает пороков, на душе своей прилипших... Бедственное и плачевное таковое состояние есть!» (3, 36).

До самой иногда кончины нераскаянный грешник, отвлекаемый повседневными делами и увеселениями мира, может не видеть своего опасного положения, откладывая

покаяние или вообще не думая о нем⁴⁴, но «непременно увидит тогда, когда книги откроются на позор всему миру, Ангелам и человекам, и представятся пред лицом его грехи его», которые будут обличать его, а угрызения совести станут теми адскими муками, которым не будет конца⁴⁵ (3, 36; 5, 361).

«Грешники, что мы спим? Пробудимся, и покаемся, и очистим покаянием и сокрушением сердца грехи наши, и исправим себя, и перестанем грешить и совесть нашу раздражать, да не со злой совестью, грехами замаранной, на Суд Христов явимся, где примет всяк по делам своим» (6, 88, 198).

4. Покаяние

Пробудившийся от греховного сна действием благодати Божией, укоряемый совестью и направляемый словом Божиим грешник устремляется к покаянию как началу новой благодатной жизни во Христе.

К покаянию призван каждый: *все бо согрешиша, и лишены суть славы Божия* (Рим. 3, 23), и без покаяния нет спасения. Сам Христос призывает к покаянию, и «грешни-

---

⁴⁴ Замечательно выражена мысль об опрометчивости, опасности и греховности беспечно медлить с покаянием в статье 118-й «Сокровища духовного» — «Завтра прииду» (5, 184–186). О том же в «Наставлении христианском»: «Смерть невидимо за нами ходит, и кончина тогда настигает, когда не чаем, и так настигает, как не чаем. Буди убо во всегдашнем покаянии, и на всякое время и везде готов ко исходу. Раб разумный всегда бдит и ожидает, когда позовет господин его: бди и ожидай и ты, когда позовет тебя Христос Господь твой. Зовет же всякого через смерть: буди убо всегда в житии твоём таков, каков желаешь быть при смерти» (6, 147–148).

⁴⁵ О том, в чем они будут заключаться, в святоотеческой литературе встречаются разные суждения, дополняющие друг друга. Святитель пишет о главном: грешнику «вместо муки то едино есть, что он Бога, Который есть едина благодать, любовь, правда, святость, милосердие и бесконечное добро, оскорбил и прогневал» (27, 705).

ку, совратившемуся по крещении с пути истинного, едина остается надежда — истинное покаяние» (5, 130; 27, 703). Святитель указывает и некоторые причины такой важности покаяния. Первая из них — «великое Божие желание и как бы алчба и жажда некая спасения нашего», начало которого полагается покаянием. Вторая — «чудное Сына Божия о нас смотрение, воплощение, смиренное на земли пожитие, страдание и смерть, которое все нашего ради спасения совершил». Третья — те «прещения Божии», «Страшный Суд Христов», «вечная смерть и адское мучение» грешникам и «вечное блаженство, избранным Божиим уготованное», которые изображаются в Священном Писании. Наконец, «поощряет нас к покаянию неизвестная кончина жития нашего», ибо «ныне Бог на покаяние зовет, а тогда к ответу позовет». Не можем не привести здесь вдохновенные слова великого святителя о покаянии. «Зде его должно искать, и искать более, нежели пищи, питья и одежды, и живота временного, а по смерти не сыщешь, хотя с воздыханием и слезами поищешь. Тело алчет, жаждет, и питаешь и напояешь его, душа алчет, жаждет, — и небрежеш! Тело нагое одеваешь, грязное омываешь, немощное врачуешь, душа нага, пороками замарана, немощна и уже мертва, — и нерадиши! Дом горит, и тщишься угасить, дом душевный горит, и уже сгорел, — и нерадиши! Богатство похищенное искать стараешься, сатана все богатство душевное похитил, — и нерадиши! О бедные и окаянные грешники, что мы спим? Что не пробудимся, пока время не ушло, пока Бог зовет и приемлет кающихся?!» (3, 198–205).

В чем же состоит покаяние? Не в том только, чтобы «от внешних великих грехов отстать, но в пременении ума и обновлении внутреннего состояния. Бог бо нового сердца и нового духа от нас требует». А их «не имеет тот, который не токмо грешит, но и хочет грешить»: не желая рас-

статься с таящейся в сердце страстью, он рано или поздно обнаружит ее (3, 206–207; 5, 131).

Хорошо зная хитрость врага нашего спасения, который «прежде греха милостивого Бога представляет нам, чтобы так удобнее мог нас в грех привести, а по согрешении правосудие Божие предлагает, чтобы в отчаяние согрешившего низринуть» (27, 638), святитель приводит «причины некие, которые подают надежду и утешение хотящим каяться к получению Божия милосердия». Сам Бог не только многообразно призывает нас к покаянию, но и милосердно долготерпит, ожидая нашего обращения (Иез. 33, 11). Господь пришел на землю, чтобы призвать грешников к покаянию, обещая не помянуть грехов кающихся, и Своей Крестной Жертвой не только явил любовь Бога к миру и падшему человеку, но и сделал покаяние возможным, действенным, взяв на себя грехи мира. «Примечай, о бедный и окаянный грешниче, — взывает святитель, — как милостив Бог к грешникам кающимся: во всем Святом Писании не сыщешь почти ни единой главы, ни единой страницы, которая бы милосердия Божия не представляла нам». Однако этим «не подается случай или повод к бесстрашию и лености, но пресекается путь к отчаянию. Есть Бог милостив, но кающимся, а бесстрашных и нераскаянных суд Божий постигает» (3, 207–211).

Некающимся «Бог грозит казнью» для пресечения распространения зла и вразумления того, кто грешит. «Смотри, с каким плачем смотрит Христос на гибель, имеющую быть Иерусалиму, — пишет святитель. — Чуждое бо Тому дело есть казнить, Которого само естество есть, чтобы благодворить, Которому свойственно есть спасать»⁴⁶. И само наказание бывает, по милосердию Божию, несоизмеримо с тяжестью грехов, его навлекших. «Так посыла-

⁴⁶ Приводим эти слова святителя с тем, чтобы показать, что стоит за его часто действительно «юридической» терминологией.

ются от Бога глады, пожары, болезни и прочее, дабы сами мы понудились искать вечных и небесных благ». Ибо Бог «наказует не ради погибели, но ради спасения» (3, 207–209).

Для стяжания покаяния как состояния души святитель советует «рассматривать в себе различную душевную немощь, то есть гордость, гнев, зависть, нечистоту, сребролюбие и проч., и жалеть, и сокрушаться, что такое зло вошло в душу нашу через яд змеин, которая чиста и непорочна была создана, и с таким желанием и сокрушением молиться ко Христу, чтобы силой Своей нас исправил и исцелил. А когда сердце, или внутреннее состояние, переменится и исправится, тогда и внешнее житие и внешние дела добрые будут. Тогда уже впредь пожелаем лучше умереть, нежели согрешить» (5, 131, 355).

Непременным условием истинного покаяния и прощения наших грехов святитель полагает, ссылаясь на молитву Господню и пояснение к ней Спасителя (Мф. 6, 12, 14–15), искреннее прощение нами согрешений наших ближних. Более того, в евангельской притче о двух должниках святитель видит, как «содержащему гнев на ближнего своего и согрешений его не оставляющему не токмо не оставятся грехи от Бога, но и прежние его грехи оставленные возвращаются и поминаются» (4, 204).

В одном из писем святитель приводит «знаки (признаки. — *Примеч. авт.*) истинного покаяния», замечая, что «без истинного покаяния Евангелие и Христос, в Евангелии проповедуемый, ничего нам не пользует». Признаки эти следующие. «Переменение сердца к лучшему и исправление жития греховного». «Плоти распятие со страстями и похотьми» противоборством им. Усердная молитва Богу о прощении прежних грехов⁴⁷. Рассуждение о величии

---

⁴⁷ Вспоминая о которых, «нужно прочитывать и памятовать утешительные Писания места и примеры покаявшихся грешников и милость получивших, дабы не впасть в пагубу всеконечного отчаяния».

Божием и любви Бога к людям до крестной жертвы Христовой и о своем греховном недостойнстве. Смирение себя как перед Богом, так и перед людьми памятованием о своей духовной нищете, недостойнстве и окаянстве. Плач о своей прежней жизни, «во грехах и беззакониях прожитой»⁴⁸, откуда рождается благодушное перенесение всех приключаящихся невзгод и обращение ума и сердца «от временных и мирских вещей к вечности» с молитвой, «дабы оную блаженную получить, а от неблагополучной избавиться» (6, 20–21).

Наконец, говорит святитель и о плодах покаяния, которые есть: «отпущение грехов, когда вместо клятвы благословение Божие, вместо гнева благодать и милость Божия подается»; «новое сердце и дух новый, которого Бог от нас требует» (Иез. 36, 26–27); для истинно покаявшегося «слово Божие уже действительно бывает», а сам обратившийся грешник «особенную некую охоту чувствует к его слушанию»⁴⁹; он «страсти Христовы весьма дорого и

В другом письме святитель пишет, что само Священное Писание «всякому греху отпущение и всякому грешнику, истинно кающемуся, прощение и милость Божию обещает: за всех и за всякого грешника, какой бы он ни был, умер Христос, да все покаявшиеся спасутся». Потому «не величество, не множество грехов погубляет грешника, но нераскаянное житие: Бог бо судит не согрешивших, но согрешивших и не покаявшихся. Сего ради никому, ни малому, ни великому грешнику не должно отчаиваться и ожесточаться, но должно всякому чистосердечно обратиться к Богу» (6, 22–24).

⁴⁸ «Слезы, плач и воздыхание, — пишет святитель, — суть знаки печали сердечной, которой сердце, как стрелой, уязвляется, и тако слезы испускает. Како бо губа, напоенная водой, когда стискивается и сжимается, издает из себя воду, тако сердце, наполненное печалью, когда печалью большей как бы стискивается, извергает из себя слезы и со слезами от печали облегчается. Плач бо и слезы облегчают печаль, и как дождем воздух, так слезами сетующая и скорбящая душа прохлаждается» (27, 704).

⁴⁹ «Как бы тот, который от болезни востав, ищет отвсяду подкрепления, дабы силы ослабевшие собрать и укрепить, так от болезни

высоко почитает; к причастию святейшей Евхаристии со страхом и великим благоговением приступает; быть истинным христианином высоко почитает, так что всю славу мира сего, как гной и сметие противу того вменяет; во всех замыслах и делах к единому вечному и небесному блаженству стремится; как прежде плоти своей угодие творил в похотях ее, так потом воле Божией всяким образом угождать тщится; как прежде покаяния легко было ему грешить, так уже покаившемуся тяжело, так что лучше изволяет бедствовать и умереть, нежели согрешить; когда в чем от немощи поткнется или падет, окаевает себя, болезнует, сокрушается, сетует, как бы что великое потерял, и с глубоким смирением просит прощения, так утешаясь надеждой милости Божией; когда приходят ему на ум прежние грехи, весьма стыдится их и жалеет, что их творил, и Бога благодарит, что его потерпел благодатью Своей, ожидая на покаяние; дела любви к ближнему являет без всякого лицемерия; от случаев, которые ко греху его приводили, убегает; когда видит ближнего неисправным, не осуждает его, но соболезнует ему, желает и молится Богу, чтобы его в чувство привел; в церковь ходит не ради церемоний, но чтобы обще с верными Богу молитвы принести; пищи, питья и прочего употребляет не ради сладострастия, но ради нужды, чтобы мог Богу работать и звания своего дела проходить»⁵⁰ (3, 213–215). «Словом сказать, — заключает святитель, — у такого человека все иное, как внутреннее, так и внешнее действие и тщание», которое теперь уже совершается «добровольно, без всякого принуждения», и которое есть та добродетельная жизнь, к описанию которой на основании творений святителя мы и приступаем.

греховной освободившийся души своей силы тщится укрепить, чтобы дела Божии делать и по пути заповедей Божиих теши мог» (3, 214).

⁵⁰ Напротив, «где нет плодов покаяния, там нет истинного покаяния, но ложное, (которое) не иное что есть, как прельщение совести».